

L'ère d'Actium a donc été d'un usage courant dans une partie de la Phénicie, probablement par suite de circonstances politiques faciles à comprendre, et cela pendant une période assez courte, le sentiment d'adulation qui l'avait fait adopter n'ayant guère survécu à la mort d'Auguste.

Récompenses scientifiques.

Dans sa séance du 18 décembre 1903, l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres a nommé le R. P. Lagrange, O. P., directeur de la «Revue biblique» et de l'Ecole pratique d'études bibliques à Jérusalem, membre correspondant français en remplacement de M. Charles de Grandmaison, décédé. Dans sa réunion du 10 avril 1904, la Société nationale des Antiquaires de France, célébrant son centenaire, a décerné la seconde de ses médailles d'or au R. P. Germer-Durand, assomptionniste de Jérusalem, un des principaux rédacteurs des «Echos d'Orient», pour l'ensemble de ses découvertes archéologiques et épigraphiques.

Siméon Vaillhé

des Augustins de l'Assomption.

Раскопки Жаномъ Кледá коптскихъ развалинь у деревни Бауитъ въ 1901—1902 году.

Въ Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions за 1902 годъ (pp. 525 — 546, съ 4 табл.) напечатанъ отчетъ о раскопкахъ членомъ Французскаго Археологическаго Института въ Каирѣ Жаномъ Кледá (J. Clédat) холма съ развалинами коптскихъ церквей и гробницъ близъ деревни Бауитъ, находящейся на лѣвомъ берегу Нила въ 15 километрахъ къ югу отъ города Ашмунейна (древній Hermopolis Magna) въ среднемъ Египтѣ. Въ виду большого интереса, который представляютъ его открытія для христіанской археологіи вообще, особенно же по сходству ихъ съ христіанскимъ некрополемъ Эль-Багоуа́тъ, въ Большомъ Оазисѣ, описаннымъ покойнымъ русскимъ изслѣдователемъ его, В. Г. Боконъ, и подробно разсмотрѣннымъ Д. В. Айналовымъ на страницахъ «Византійскаго Временника» (томъ IX, 1902, стр. 152—196), — мы полагаемъ умѣстнымъ предложить здѣсь извлеченіе изъ этого отчета, доложеннаго Академіи въ засѣданіи 17 октября нов. ст., 1902 года¹⁾.

Еще въ 1900 г. Кледá посѣтилъ холмъ съ остатками древнихъ построекъ (Kôm), лежащій на краю песчаной пустыни, на западной сторонѣ Нильской долины, у деревни Бауитъ (Baouit). Тогда же онъ констатировалъ, что подъ массой песку, откуда виднѣлись мѣстами остатки стѣнъ, должны быть скрыты интересные памятники древности, такъ какъ на значительной части стѣнъ замѣтны были слѣды живописи, а небольшая

1) Статья эта была предназначена для предыдущаго тома «Визант. Временника», но не могла быть тогда напечатана по болѣзни ея составителя.

часовенка, отчасти уже разрытая феллахами, сохранила на стѣнахъ фигуры святыхъ и рядъ символическихъ изображеній. Тогда же Кледá обратилъ на эти развалины вниманіе Масперо и Директора Французскаго Института въ Каирѣ Шассина́ (M. Chassinat), а затѣмъ опубликовалъ результатъ своихъ наблюденій въ «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale» (vol. I, fasc. I, p. 90); но лишь спустя два года онъ получилъ изъ парижской Академіи изъ фонда Piot субсидію въ 500 франковъ и приступилъ къ раскопкамъ. Но и ранѣе развалины эти не были совершенно неизвѣстны: уже давно Каирскій Музей изъ года въ годъ получалъ отсюда фрагменты скульптуры изъ камня и дерева, и мало по малу эти остатки образовали очень интересную группу въ коллекціи христіанскихъ древностей Музея. Но никто ранѣе Кледá не обратилъ на это мѣсто должнаго вниманія, да и научныхъ изслѣдованій тамъ производимо не было.

Раскопки Кледá длились съ ноября 1901 года до іюня 1902, причемъ ему помогали въ изслѣдованіи двухъ церквей Шассина́ и Паланкъ (Palanque), которые и приготавливаютъ ихъ изданіе. Кледá же въ своемъ отчетѣ касается преимущественно построекъ погребальнаго назначенія,—часовенъ, которыхъ имъ изслѣдовано было болѣе тридцати и изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, треть украшена была фресками. Эти остатки росписей были сфотографированы, а важнѣйшія скопированы акварелью. Подробное изданіе результатовъ своихъ раскопокъ Кледá обѣщаетъ дать въ *Mémoires de la Mission Française du Caire*.

Добытыя въ первый годъ раскопокъ данныя недостаточны, по мнѣнію Кледá, для положительнаго рѣшенія вопроса, являются ли эти развалины остатками какого-либо монастыря или же лишь некрополя, но они и теперь приводятъ его къ предположенію, что тутъ было и то и другое.

За некрополь говоритъ прежде всего очень значительное число надгробныхъ часовенъ, тогда какъ монастыри, насколько они извѣстны, иногда вовсе не заключали въ себѣ таковыхъ или же число ихъ бывало невелико. На основаніи приводимыхъ текстовъ о погребеніи Св. Шенуди, трехъ Свв. Макаріевъ и Св. Іоанна Малаго (Колова) въ монастыряхъ ихъ, равно какъ и о монахиняхъ монастыря, устроеннаго Св. Пахоміемъ для сестры его Маріи, которыя «были погребены въ отдѣльныхъ могилахъ въ самомъ монастырѣ» (*Annales du Musée Guimet*, vol. XVII, p. 382), Кледá заключаетъ, что въ первыя времена монашества лишь очень рѣдко, за выдающуюся жизнь, монахи удостоивались чести имѣть особую могилу; но затѣмъ дѣлаетъ предположеніе, что мало по малу требованія монашеской жизни, особенно на Востокѣ, ослаблялись, тщеславіе и роскошь монаховъ увеличивались и всякій изъ нихъ желалъ покоиться внутри монастыря, чѣмъ и могло бы объясняться большое число погребальныхъ часовенъ въ Бауитѣ. Другое доказательство, что здѣсь былъ некрополь, Кледá видитъ въ двухъ или трехъ надписяхъ на стѣнахъ часовенъ и въ надписи на стелѣ, приобрѣтенной имъ въ Бауитѣ для Лувра,

на которыхъ читается: «Авва Фивъ, отецъ ΜΠΚΗΜΙΤΡΗ ΝΤΑΒ ΚΑΣΩ покоится на этомъ кладбищѣ».

Съ другой стороны Кледá приводитъ основанія, почему слѣдуетъ думать, что это не былъ просто некрополь какого-либо поселенія, но принадлежавшій какому-нибудь монастырю подобно тѣмъ кладбищамъ, которыя и нынѣ бываютъ при коптскихъ монастыряхъ, напр. у Дэйръ-Абу-Хеннисъ или у Дэйръ-Эль-Махарракъ (Deir Abau Hannís, Deir el Mahargâq). Деревня Бауигъ новѣйшаго происхожденія, мѣсто же занятое развалинами, по словамъ ея обитателей, прежде простиралось на болѣе широкомъ пространствѣ, нежели теперь; теперь холмъ съ развалинами (Kôm) лишь отчасти, западною стороною своею, лежитъ въ пустынѣ, восточная же часть его расположена на землѣ, пригодной для обработки, а прежде развалины шли еще далѣе къ востоку; но всѣ кладбища въ Египтѣ лежатъ всегда въ пустынѣ, а потому и нельзя предполагать, чтобы восточная часть развалинъ была когда либо некрополемъ. Съ другой стороны въ надписяхъ гробницъ сохранились упоминанія о монастырѣ. Въ одной, — седьмой по нумераціи Кледá, — надпись «брата Іереміи», начинающаяся именемъ Бога и «блаженнаго Аполлона (ΑΠΟΒΛΛΩ) смиреннаго монаха», говоритъ о смерти «блаженнаго священника монастыря аввы Аполлона» (ΑΠΟΒΛΛΩ), — имя этого священника ΚΡΑΚΟΣ Кледá транскрибируетъ «Cracus». — Двукратно упоминаемое имя Аполлона обозначаетъ, повидимому, или основателя монастыря или святого, во имя котораго построены были монастырь этотъ. Однако другая надпись въ той же самой часовнѣ, упоминающая «Елисея смиреннаго діакона монастыря аввы Іоанна», привела Кледá къ выводу о возможности, что и Аполлонъ и Іоаннъ были въ разное время настоятелями одного и того же монастыря, стоявшаго на мѣстѣ развалинъ. Некрополи не бываютъ окружены оградой, но здѣсь до сихъ поръ ясно видны на сѣверной и западной сторонахъ слѣды стѣнъ, правда, почти совсѣмъ разрушенныхъ, внутри которыхъ и въ древности имѣлся колодезь, которымъ пользуются до-нынѣ, и который скорѣе могъ принадлежать какому-нибудь селенію или монастырю, а не некрополю.

Несогласны съ предположеніемъ о некрополѣ, по мнѣнію Кледá, и факты, обнаруженные при раскопкѣ двухъ церквей: если бы это былъ простой некрополь, то церкви были бы простыми часовнями votivnaго или поминальнаго характера, въ которыхъ, по мнѣнію его, не бывало службъ и, слѣдовательно, не должно было бы быть и приспособленій для совершенія таинствъ. Между тѣмъ въ одной изъ церквей обнаруженъ колодезь съ двумя особыми водоемами полусферической формы, по сторонамъ устья его, служившими для омовеній. Въ объясненіе ихъ Кледá указываетъ на миссіонера Сикара (Sicard) (Lettres édifiantes, vol. VIII, p. 23), который говоритъ, что «во всѣхъ церквахъ у коптовъ имѣется большой квадратный и глубокой водоемъ, который ежегодно наполня-

ютъ водою для совершенія церемоніи извѣстнаго омовенія, называемаго у нихъ *Gothas*. Въ другой церкви найденъ амвонъ для чтенія Евангелія, сходный съ такъ называемыми «мемберами» для чтенія корана въ мечетяхъ.

Къ сожалѣнію Кледá не даетъ дальнѣйшихъ подробностей о церквяхъ этихъ, отсылая за ними къ предстоящему изданію ихъ гг. Шассина (Chassinat) и Паланкомъ (Palanque), которые помогали Кледá въ раскопкѣ этихъ церквей. Мы узнаемъ пока лишь, что одна изъ церквей достигала 50 метровъ длины, что церкви были богато украшены орнаментальною и фигурною рѣзбою по камню и дереву, что удѣлѣли даже деревянныя рѣзные двери. При своемъ отчетѣ Кледá даетъ изображенія (pl. IV) лишь двухъ скульптурныхъ фрагментовъ, найденныхъ имъ въ одной изъ церквей. Одинъ изображаетъ библейское сказаніе объ Ионѣ (Pl. IV, fig. 1). «Китъ» представленъ въ видѣ чудовища съ передними лапами, съ заячьей головою съ длинными ушами, но съ рыбимъ, завитымъ петлею хвостомъ, съ пальметкою на концѣ; туловище дѣлится пополамъ двойною вертикальною перевязью. «Китъ» выбрасываетъ изъ пасти Иону, голова котораго была умышленно сбита. Слѣва помѣщена головою внизъ рыба, указывающая, что дѣйствіе происходитъ въ водѣ, но справа надъ хвостомъ растетъ стебель съ плодами. Второй рельефъ (pl. IV, fig. 2) представляетъ богато украшенную арку, поддерживаемую двумя витыми колоннами. Въ серединѣ на фонѣ конхи изображенъ всадникъ съ развивающимся плащомъ, пронзающій копьемъ змѣю, извивы которой видны подъ ногами лошади, несмотря на изуродованное состояніе памятника. Этому всадника Кледá относятъ къ «серіи святыхъ Георгіевъ, поражающихъ демона».

Главное вниманіе въ напечатанномъ отчетѣ о раскопкахъ Кледá удѣляетъ открытымъ имъ остаткамъ множества небольшихъ построекъ изъ сырцеваго кирпича, штукатурка на внутреннихъ сторонахъ стѣнъ которыхъ сохранила, какъ замѣчательные остатки росписей, такъ и множество надписей, отчасти современныхъ росписямъ, отчасти приписанныхъ или выпарапаннанныхъ впоследствии посѣтителеми ихъ.

Почти всѣ надгробныя часовни находятся въ сѣверной части развалинъ и лишь весьма немногія въ южной; въ восточной же части, — въ главной массѣ развалинъ, — ихъ не встрѣчается вовсе и постройки, изслѣдованныя пока тамъ, имѣли, повидимому, совершенно иное назначеніе.

Некрополь можно раздѣлить на три части. Первую составляютъ часовни, которыя помѣщались внутри монастыря. Эта группа наиболѣе важна въ виду росписей на стѣнахъ часовенъ. Вторая группа лежитъ внѣ стѣнъ обители, на песчаной равнинѣ, а третья — на горѣ.

На равнинѣ обнаружены могилы двухъ типовъ: 1) Яма, — глубиною часто менѣе $\frac{1}{2}$ метра; тѣло погребеннаго въ ней обито полотномъ, часто украшеннымъ вышивками, вродѣ извѣстныхъ по другимъ христіанскимъ некрополямъ; иногда же къ этому савану присоединенъ какъ бы

Футляръ изъ пальмовыхъ прутьевъ и все лежитъ на деревянномъ крестѣ. 2) Въ песокѣ вырыта большая квадратная или продолговатая яма, вокругъ которой построена стѣна изъ необожженного кирпича; перегородки изъ того же матеріала дѣлятъ яму на нѣсколько комнатъ, сообщающихся между собою широкими арками приплюснутой формы. Могилы эти покрыты коробовымъ сводомъ или куполомъ, возвышавшимся, вѣроятно, надъ уровнемъ почвы. Одна изъ такихъ могилъ, изъ двухъ помѣщеній, имѣла размѣры: 6 метровъ \times 2,60 м. Сырцевыя стѣны были видимы снаружи и не имѣли никакой облицовки.

Особый, съ примѣсю древнихъ традицій, типъ представляютъ гробницы группы, расположенной на горѣ. Внутри ихъ глубокой колодезь достигающій иногда десяти метровъ, а надъ нимъ построена часовенка съ куполомъ. Остатки росписи даютъ основаніе предполагать, что раскопки въ этой части некрополя могутъ дать интересные результаты.

Нѣкоторыя изъ этихъ часовенъ представляютъ собой цѣлыя зданія изъ нѣсколькихъ комнатъ, такъ напр.: одна изъ нихъ въ восемь залъ имѣетъ въ южной части помѣщеніе круглой формы между двумя другими прямоугольными; съ восточной стороны небольшой дворъ, шириною въ 1,65 метра, тянется во всю длину постройки; доступъ на него былъ лишь изъ часовни; на дворѣ этомъ найдено значительное число глиняныхъ амфоръ.

Внимательный осмотръ поверхности земли и пробныя раскопки въ разныхъ мѣстахъ развалинъ у Бауита привели Кледá къ заключенію, что число погребальныхъ часовенъ, украшенныхъ живописью и фресками, было болѣе сотни, не говоря о множествѣ такихъ, которыя были лишь оштукатурены, но сохранили множество надписей (graffiti) и потому интересны въ историческомъ отношеніи. Полное изслѣдованіе развалинъ потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію всѣ открываемые памятники оказываются въ плачевномъ состояніи: инныя часовни были нѣкогда возобновлены, но безъ всякаго вниманія къ первоначальной ихъ декорации; въ другихъ росписи были впоследствии забѣлены известью; нѣкоторыя были разрушены, чтобы дать мѣсто новымъ; инныя были, видимо, кѣмъ то обитаемы, такъ какъ сохранили остатки очаговъ и сильно закопчены.

Какъ отдѣльно стоящія надгробныя часовни, такъ и соединенныя одна съ другою, — которыхъ гораздо меньше, — всѣ квадратной или прямоугольной формы въ планѣ; въ ориентации ихъ не замѣтно какого-либо опредѣленного правила. Только двѣ сохранили части купола, во всѣхъ же остальныхъ кровли рухнули и въ своемъ паденіи увлекли иногда и части стѣнъ. Выстроены всѣ онѣ изъ необожженного кирпича и покрыты простой штукатуркой со слѣдами прежнихъ росписей; стѣны весьма непрочны; штукатурка наложена неровно и легко отпадаетъ отъ стѣны. Балка пальмоваго дерева или изъ сикиморы, иногда плита мягкаго известняка, служитъ перемычкой у входной двери. Полъ покрытъ простою

настилкою изъ очень крѣпкой штукатурки: смѣси известки, песку и гальки. Въ нѣсколькихъ случаяхъ Кледá пробивалъ эту настилку, желая убѣдиться, не служитъ ли она для сокрытія колодезя, подобнаго тѣмъ, какіе находилъ онъ въ гробницахъ, вырубленныхъ въ горѣ, но всѣ эти поиски оказались безуспѣшными. На внѣшней сторонѣ стѣнъ, кромѣ слоя штукатурки изъ глины или гипса, никакихъ ни лѣпныхъ, ни живописныхъ украшеній не найдено. Коробовые своды внутри часовенъ опирались на контрфорсы. Иногда, когда помѣщеніе было слишкомъ длинно, строитель ставилъ, какъ бы для укрѣпленія свода, еще пилястры; но незначительная толщина ихъ ясно указываетъ на ихъ болѣе декоративное назначеніе. Куполь иногда полусферической формы, иногда приплюснутый покоится на подпружныхъ аркахъ, прилегающихъ къ стѣнамъ. Углы между арками заполнены парусами въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніе часовни квадратное. Освѣщаются часовни или только черезъ дверь, но только въ очень рѣдкихъ случаяхъ черезъ окна въ верхней части стѣнъ.

Такимъ образомъ архитектура этихъ погребальныхъ часовенъ ничѣмъ не отличается отъ подобныхъ же памятниковъ, уцѣлѣвшихъ еще въ некрополѣ Эль-Багауатъ въ Большомъ Оазисѣ. Подобнаго же рода надгробныя постройки можно видѣть и на современныхъ арабскихъ кладбищахъ города Ассиута и деревень Дронка, близъ Ассиута, и Дашлута, близъ Бауита. Кледá сообщаетъ при этомъ, что купольныя покрытія въ современныхъ домахъ онъ знаетъ въ среднемъ Египтѣ только близъ Дейръ-Абу-Хенниса.

Какъ и некрополь Эль-Багауатъ, развалины некрополя близъ Бауита особенно важны для археологіи и исторіи искусства тѣми остатками живописи, которыя оказались въ нѣсколькихъ надгробныхъ часовняхъ. Въ нихъ орнаментальныя росписи видимо господствуютъ надъ фигурными. Одними фигурными изображеніями безъ орнаментовъ росписана была лишь одна часовня; въ прочихъ орнаментация играетъ видную роль наряду съ фигурами; въ иныхъ же фигуръ нѣтъ вовсе. Всѣ росписи исполнены *al fresco* на слоѣ штукатурки. Контуры нарисованы кистью тонкими чертами: обыкновенно красными, иногда черными. Выборъ цвѣтовъ, которыми пользовались живописцы, довольно богатъ: черный, бѣлый, голубой и по два тона красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ. Моделировка фигуръ достигалась употребленіемъ густыхъ *fonds* тоновъ: чернаго, краснаго, зеленаго или голубого, накладываемыхъ одинъ на другой; а иногда и рядами штриховъ темнаго же цвѣта, наложенныхъ кистью.

Декоративныя формулы, по мнѣнію Кледá, заимствованы живописцами отъ византійской школы; своды и стѣны разбиты на пояса по древне-египетскому еще приему. Одна фигурная композиція отъ другой отдѣляются или просто чертою или орнаментомъ, окаймляющимъ иногда всю картину. Фонъ вокругъ каждой фигуры заполняется растеніями; углы — птицами или животными.

Орнаментация эта играет видную роль въ украшеніи стѣнъ; она вполне гармонируетъ съ архитектурою часовенъ, и различные орнаменты весьма тонко и удачно слѣдуютъ за архитектурными линіями и приурочены къ занимаемому ими въ зданіи мѣсту.

Пальмовыя листья, плетенія, арабески, волнистыя линіи (*à la grecque*) пышно раскидываютъ свои изящныя извивы по стѣнамъ часовенъ; побѣги виноградной лозы вырастаютъ изъ вазы, свѣшиваются на обѣ стороны ея, завиваются въ леандры и кончаются виноградною гроздью; завитки стебля съ листьями несутъ на концѣ пучекъ гранатъ; квадраты, ромбы, треугольники и многоугольники, круги различнымъ образомъ комбинируются и переплетаются въ одно эффектное цѣлое.

Несмотря на разнообразіе мотивовъ, рисунковъ и красокъ, не рѣдко преувеличено рѣзкихъ, все въ общемъ производитъ впечатлѣніе большого единства, которое заставляетъ дивиться умѣнью живописцевъ.

Въ фигурныхъ изображеніяхъ ясно сказывается, по словамъ Кледá, византійское вліяніе; орнаментация же носитъ совсѣмъ иной характеръ, своими меандрами и плетеніями она напоминаетъ ему орнаментацию арабскую, откуда ее и можно было бы выводить, если бы не хронологическія для того затрудненія.

Опредѣлять время росписей при помощи только того, что извѣстно о коптскомъ искусствѣ, кажется Кледá почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе что иногда разница замѣчается не только между росписями двухъ разныхъ часовенъ, но даже внутри одной и той же оказываются различные приемы въ работѣ живописца, какъ напр. въ часовнѣ, гдѣ одна надпись упоминаетъ имя аввы Іосифа, въ память котораго часовня была построена, а другая сообщаетъ, что часовня расписана живописцами Іаковомъ и Георгіемъ.

Двѣнадцать картинъ, отдѣленныхъ одна отъ другой орнаментомъ (*à la grecque*) въ этой часовнѣ, изображали исторію юности Давида; но лишь четыре сохранились настолько, что Кледá счелъ возможнымъ сдѣлать съ нихъ акварельныя копии. Сохранившіяся сцены Кледá описываетъ такъ: 1) Избраніе Самуиломъ царя изъ сыновей Іессея: онъ отстраняетъ старшихъ братьевъ Давида: Еліава, Аминадава и Самнаха (I кн. Царствъ. XVI. 5 — 10). 2) Избраніе Самуиломъ Давида (*ibid.* XVI. 12). Вмѣсто сосуда съ елеемъ, для помазанія Давида, Самуиль держитъ надъ головой будущаго царя палочку. Кледá думаетъ, что это тотъ «жезль прорицанія», который занимаетъ столь важное мѣсто въ египетскихъ пророчествахъ. Въ подземной церкви близъ Дейра-Абу Хеннисъ, изданной Кледá въ *Bulletin de la Mission Française du Caire*, Христосъ на брачномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской, претворяя воду въ вино, держитъ въ рукахъ подобный же жезль. Въ житіи Шнуди Виса рассказываетъ, что въ Бѣломъ Монастырѣ хранился жезль, которымъ святой творилъ чудеса и наказывалъ грѣшниковъ. 3) Давидъ, представляемый Саулу (*ibid.* XVI, 21) человекомъ, носящимъ имя ΚΕΙΔΙΛΟΣ. Давидъ изображенъ безъ

бороды, въ короткой туникѣ безъ рукавовъ, съ двумя черными полосами, идущими вертикально, во всю длину ея. Перевязь розоваго цвѣта проходитъ у Давида на лѣвое плечо и связана концами на бедрахъ. Саулъ, возсѣдающій на тронѣ, одѣтъ въ длинную, бѣлую тунуку, сверхъ которой—плащъ коричневаго цвѣта, застегнутый на правомъ плечѣ; на ногахъ у него того же цвѣта сапожки; борода его съ острымъ концомъ и рыжіе волосы — тщательно расчесаны. 4) Давидъ играетъ на лирѣ передъ неистовымъ Сауломъ (*ibid.* XVIII, 11, читай XVI. 23). На одеждѣ Давида нарисовано украшеніе вродѣ пиковаго туза, упоминая о чемъ Кледá не могъ воздержаться отъ сопоставленія этого украшенія съ современными картами: именно, съ королемъ пикъ, который носитъ иногда имя Давида. 5) Давидъ, въ одѣяніи царя Саула: въ панцырѣ, высокихъ сапожкахъ, со щитомъ и мечомъ въ рукахъ, идетъ на бой съ Голіаѳомъ (*ibid.* XVII, 38). 6) Давидъ, снявшій уже доспѣхи царя и надѣвшій свою одежду (*ibid.* XVII. 41), стоитъ передъ исполиномъ, который вооруженъ длиннымъ копьемъ, щитомъ и мечемъ у пояса. Его туловище покрыто панцыремъ, закрывающимъ руки до кисти; сверху его развивается плащъ; голова покрыта металлическимъ шлемомъ; на ногахъ сапожки. Давидъ — съ пастушеской котомкой; правой держитъ пращу и готовится пустить камень въ исполина; въ лѣвой рукѣ его посохъ. Исполненіе не высоко ни по рисунку, ни по краскамъ, особенно въ фигурѣ Голіаѳа. Нельзя представить, замѣчаетъ Кледá, ничего болѣе дѣтскаго и топорнаго, и въ тоже время ни одна подробность неображаемаго событія не опущена художникомъ. 7) Гибель Голіаѳа (*ibid.* XVII, 49): исполинъ распростертъ на землѣ, опираясь лѣвою рукой на щитъ и дѣлая правой рукой умоляющій жестъ передъ Давидомъ, который схватилъ уже его мечъ, чтобы отрубить ему голову. По сторонамъ этой сцены евреи и филистимляне. 8) На этой фрескѣ представлена была, по мнѣнію Кледá, повидимому, встрѣча Давида съ первосвященникомъ Авимелехомъ, въ Номвѣ (*ibid.* XXI. 1 — 10): въ срединѣ композиціи жертвенникъ съ хлѣбами предложенія, съ боку видна туника или короткая одежда фіолетоваго цвѣта, обозначающая, вѣроятно, эфудъ. Слѣдующія три картины (9 — 11) уничтожены. Послѣдняя (12) представляетъ какъ Ионаѳанъ пускаетъ стрѣлы, чтобы предупредить Давида бѣжать отъ ярости Саула (*ibid.* XX, 20 — 40). Давидъ изображенъ въ лѣвой части фрески; рабъ (ΔΟΥΛΟΣ) нагнулся и поднимаетъ стрѣлы. Не равныя художественныя достоинства въ композиціи и рисункѣ этихъ сценъ ясно чувствуются при взглядѣ на фрески, но еще рѣзче отличается отъ всѣхъ нихъ сцена, къ сожалѣнію — слишкомъ пострадавшая, которая находилась надъ изображеніемъ битвы Давида съ Голіаѳомъ.

Въ той же часовнѣ подъ окномъ на южной стѣнѣ изображенъ сосудъ, изъ котораго въ обѣ стороны идутъ изгибающіеся побѣги виноградной лозы; остальная часть стѣны занята была фигурами коптскихъ иноковъ,

но изъ нихъ уцѣлѣла лишь одна съ надписью **ΑΠΑ ΪΣΑΚ**. По низу шелъ изящный цоколь.

Въ другой часовнѣ изображены 12 пророковъ; въ рукахъ у нихъ пергаменные свитки съ выдержками изъ пророчествъ ихъ. Въ ней же сохранилась сцена охоты на льва: но звѣрь (**ΛΕΟΝ**), пораженный стрѣлою въ голову, поворачиваетъ ее въ сторону стрѣлка (**ΤΟΚΣΟΤΟΣ**), который готовится пустить другую стрѣлу. Фонъ представляетъ горную мѣстность; позади льва и охотника померанцовое или гранатное дерево; на землѣ — растенія съ красными цвѣтами. Въ этой сценѣ Кледá видить вліяніе египетскихъ традицій, какъ въ движеніи и рисункѣ, такъ и въ присутствіи пояснительныхъ надписей, которыя напоминаютъ ему древне-египетскія гробницы, гдѣ обыкновенно вырѣзывались имена изображаемыхъ лицъ или животныхъ.

Въ одной часовнѣ сохранилась въ нишѣ чрезвычайно любопытное изображеніе—видѣнія прор. Іезекіиля (I. гл.). На тронѣ возсѣдаетъ нѣкто въ крестообразномъ нимбѣ, сіяніе около головы, безъ бороды, съ книгой въ лѣвой рукѣ, и благословляющій правою рукой. Тронъ помѣщенъ на четырехколесной колесницѣ, влекомой быкомъ; вокругъ сіянія, окружающаго тронъ, — крылья, усѣянные глазами.

Весьма интересны росписи одной часовни, въ средней части развалинъ, обозначенной Кледá номеромъ 17. На каждомъ парусѣ подъ куполомъ изображенъ всадникъ съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ, въ развѣвающимся плащѣ на плечахъ, и ангелъ съ вѣнцомъ въ рукѣ позади его. Это, по объясненію Кледá, — триумфъ христіанина-побѣдителя. Имя сохранилось только у одного всадника: а именно — Святого Виктора (**Ο ΑΓΙΟΣ ΒΙΚΤΩΡ**). На западной стѣнѣ, вверху, изображена группа лицъ, расположенныхъ вѣрообразно около ниши, надъ ними написаны были имена ихъ: Тимофея, царя Давида, братьевъ Паула и Виктора; по сторонамъ этой же ниши изображено по всаднику, лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ нихъ представляетъ Святого Фиваммона (**Ο ΑΓΙΟΣ ΦΟΙΒΑΜΜΩΝ**) верхомъ на бѣломъ конѣ, съ небольшимъ крестомъ на длинномъ древкѣ въ правой рукѣ и большимъ вѣнцомъ въ лѣвой. Позади святого паритъ ангелъ Господень (**ΑΓΓΕΛΟΣ ΚΥ**), протягивающій вѣнецъ къ святому.

По поводу вѣнца въ рукѣ святого Кледá приводитъ цитату изъ житія св. Пахомія, переведеннаго Amélineau (*Annales du Musée Guimet*, vol. XVII, p. 464—465): «И когда святые выходятъ на встрѣчу душамъ, они несутъ особые вѣнцы: они подаютъ имъ тѣ вѣнцы, ради которыхъ люди совершали въ жизни геройскіе подвиги и были на землѣ побѣдителями въ борьбѣ съ дьяволомъ, или вѣнцы милости, которые они получаютъ отъ Бога въ день воскресенія». Другая конная фигурка — святой Сисинній (**ΑΓΙΟΣ ΣΙΣΙΝΝΙΟΣ**) со щитомъ на лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой,

которымъ онъ пронзаетъ грудь женщины, поверженной на землю и обозначенной надписью $\Delta\Lambda\upsilon\alpha\varsigma\Delta\rho\iota\alpha$. По поводу этого интереснаго изображенія Кледá въ своемъ отчетѣ ограничился замѣчаніемъ, что святой этотъ играетъ ту же роль, какъ и св. Георгій въ христіанской легендѣ о немъ, съ тою лишь разницею, что вмѣсто змѣи и дракона Сисинній поражаетъ женщину. Но въ первомъ сообщеніи о раскопкахъ (С. R. 1902. р. 96) сообщены объ этомъ же изображеніи еще слѣдующія подробности: вокругъ этой сцены изображены вредоносныя существа и чудовища въ видѣ скорпіона, змѣи, кинжала и топоровъ, ибиса, вши, крокодила и юнаго кентавра съ женщиною, туловище которой кончается змѣинымъ хвостомъ и имя которой «дочь Алавадриа». Въ восточной стѣнѣ той же часовни налѣво имѣется ниша, внутри которой изображенъ Христосъ въ крестообразномъ нимбѣ, возсѣдающій на тронѣ съ открытою книгой, въ которой трижды написано слово $\Delta\Gamma\iota\omicron\varsigma$. По сторонамъ его въ подобіи облаковъ изображены головы четырехъ апокалипсическихъ животныхъ; справа и слѣва стоитъ по крылатому ангелу, а между ними и трономъ изображено по круглому медальону съ женскою головою внутри его. Ниже находится изображеніе Божіей Матери, съ молитвенно воздѣтыми вверхъ руками и облеченной въ темное одѣяніе, а по сторонамъ ея стоятъ св. Петръ и 12 апостоловъ. Считая вѣроятнымъ, что здѣсь представлено Вознесеніе, по поводу св. Петра, Кледá замѣчаетъ, что въ открытыхъ росписяхъ часто встрѣчается то въ отдѣльности, то въ иныхъ композиціяхъ, изображеніе двухъ лицъ, съ однимъ или нѣсколькими ключами каждый; въ нихъ, можетъ быть, нужно видѣть лишь экономовъ или монаховъ, на которыхъ были возложены заботы о монастырскомъ хозяйствѣ.

Надъ этою нишей помѣщено погрудное олицетвореніе «Святой Церкви» ($\text{H } \Delta\Gamma\iota\alpha \text{ EKK}\lambda\eta\sigma\iota\alpha$), въ вѣнцѣ на головѣ, съ драгоценными уборами въ волосахъ, ушахъ и на шеѣ, и съ чашею, наполненною какою-то бѣлою жидкостью въ рукахъ. Налѣво отъ нея еще три какихъ то лица. Налѣво отъ самой ниши помѣщено изображеніе Крещенія. Христосъ (іс. хр.) стоитъ въ Иорданѣ совершенно обнаженнымъ, лицо Его обрамлено бородой; налѣво Іоаннъ Креститель, стоящій на берегу рѣки, возлагаетъ руку на чело Христа; направо какое то лицо держитъ пелену. Обнаженная женщина въ нимбѣ и человѣкѣ, стоящій на колѣняхъ, опоясанный однимъ лишь передникомъ и омывающій, повидимому, ноги Христа, изображены въ водахъ Иордана и должны, по мнѣнію Кледá, олицетворять рѣку.

Фрески на южной стѣнѣ часовни къ несчастью очень испорчены большимъ проломомъ въ серединѣ стѣны. Однако смыслъ изображеній кажется Кледá не подлежащимъ сомнѣнію: здѣсь изображено, по его мнѣнію, мѣсто казней и мученій.

Ангель-мучитель въ видѣ молодого человѣка потрясаетъ длинною палкою, верхняя часть которой не сохранилась. По замыслу это одно изъ наиболѣе оригинальныхъ произведеній. Контуры только набросаны, манера живописи широкая, и почти одноцвѣтная.

«Дьявольское выраженіе лица Ангела» напоминало Кледá рассказъ о посѣщеніи ада Св. Пахоміемъ: «ангелы, которые мучили грѣшниковъ, — по словамъ житія (Annales du Musée Guimet XVII, p. 550), — были веселы, какъ управитель, радующійся при видѣ умноженія добра, порученнаго его попеченію.. Если души просили у нихъ смилостивиться надъ ними, они разъярялись еще болѣе и еще сильнѣе ихъ мучили; когда имъ приводили новыя души, они ликовали, какъ человѣкъ, которому досталась богатая добыча».

Кледá даетъ рисунокъ (pl. I, fig. 2) лица этого «ангела-мучителя»: нимбъ около головы не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это ангель; но «дьявольскаго» въ лицѣ этомъ, нарисованномъ очень живо, — ничего не усматривается. Предъ этимъ ангеломъ находятся два котла, объятые пламенемъ, съ печью подъ ними; другой ангель, стоя на колѣняхъ, какъ бы шевелить въ ней жаръ.

Налѣво отъ ангела-мучителя стоитъ какой-то братъ «Филеасъ выжигатель извести» (ΦΙΛΕΟΣ ΠΑΚΩΝΙΑΤΗΣ), а направо отъ этой сцены изображенъ авва (ΓΕΩΡΓΕ ΝΔΔΝ ΠΑΜΟΟΝΕ) «Георгій изъ Дана, левъ». Углы композиціи заполнены справа медвѣдемъ, обнюхивающимъ ноги Георгія, слѣва — оленемъ, обвиваемымъ змѣею, на хвостъ которой наступилъ ногой Филеасъ.

Часовня, обозначаемая Кледá № 28, представляетъ собою прямоугольное зало въ 9 метровъ длины и 4,50 м. ширины. Сѣверная длинная стѣна его найдена была повалившейся; видно было лишь, что къ ней примыкала нѣкогда также росписанная часовня; къ длиннымъ (сѣверной и южной) стѣнамъ по серединѣ ихъ приставлены были пилястры, выступавшія почти на метръ и дѣлившія зало на двѣ части. Въ западной (короткой) стѣнѣ находится ниша, въ которой написанъ св. Азарія, а справа и слѣва отъ нея изображены писецъ Сарапамонъ, братъ Исаакъ, писецъ Илія, писецъ Макарій малый, писецъ Мина Большой, псалмопѣвецъ и писецъ Антоній. Въ примыкающей части южной стѣны въ нишѣ написанъ бюстъ «Святаго Михаила»; направо отъ нея изображены писецъ Захарія, писецъ Πυρρῶνωε, братъ ΚΙΡΕ и діаконъ ΠΙΛΔΘΗΣ.

На лѣво отъ ниши — рядъ подобныхъ же фигуръ съ надписями: братъ ΛΔΟΝΤΕ, Георгій, писецъ Шенути и Викторъ Младшій. Надъ ними во второмъ поясѣ изображенъ человѣкъ, сидящій на квадратномъ съ зеленою драпировкой сѣдалищѣ; слѣва позади его круглая башня съ большимъ сводчатымъ отверстіемъ въ верхней части и съ небольшою пристройкой (эдикуль) внизу; еще лѣвѣе, около пилястры, снова фигура, имя которой исчезло.

На западной сторонѣ пилястры написанъ орнаментъ въ видѣ прямоугольника, въ который вписанъ ромбъ, заключающій въ себѣ кругъ. Направо маленькій, крылатый, обнаженный геній, сидящій на пантерѣ,

держась за ея шею, поднимаетъ правой рукой какой-то неразличимый предметъ.

На лицевой сторонѣ пилястры написанъ болѣе, чѣмъ въ натуральную величину, бюстъ «отца Адама», держащаго въ рукахъ какой-то круглый предметъ, быть можетъ дискъ. Во второй (восточной) половинѣ зала, въ той-же южной стѣнѣ устроена еще ниша, гдѣ изображены двѣ утки по сторонамъ сосуда. Около ниши находятся изображенія аввы Памуна, аввы Ануна, эконома, брата Лазаря, писца надъ маслами $\Upsilon\Lambda\text{SNHC}$ и отца Иоанна.

Наконецъ, въ нишѣ въ восточной сторонѣ находится изображеніе сидящей на тронѣ Богородицы. Она держитъ въ рукахъ овальный медальонъ, въ которомъ написанъ Христосъ. Младенецъ въ крестчатомъ нимбѣ. По сторонамъ трона стоятъ два ангела ($\Delta\Gamma\Gamma\text{E}\Lambda\text{OC } \Theta\text{EOV } \Delta\Gamma\Gamma\text{E}\Lambda\text{OC } \text{KVPIOV}$), держащіе въ одной рукѣ ящикъ для ладона, а въ другой пылающее кадило; на длинныхъ туникахъ ихъ нашиты украшения въ видѣ полосъ и круговъ. Фонъ заполненъ зелеными растениями. (Изображено на pl. III).

Кромѣ описанныхъ выше росписей нѣкоторыхъ часовенъ Кледá пересчитываетъ еще слѣдующія открытыя имъ фресковыя изображенія: фигуры ангеловъ и архангеловъ, олимпетворенія христіанскихъ добродѣтелей и много иныхъ аллегорическихъ и символическихъ фигуръ; изображенія утокъ и другихъ птицъ, напр. обращенныхъ другъ къ другу павлиновъ съ крестомъ между ними, — газелей, то преслѣдующихъ другъ друга, то пьющихъ воду изъ источника, — орла ($\Delta\text{E}\text{TOC}$) съ распростертыми крыльями, нарисованнаго въ египетскомъ стилѣ и символизирующаго Христа ($\overline{\text{IC}} \overline{\text{XC}}$); наконецъ большой крестъ съ ушкомъ (египетскій знакъ жизни), богато украшенный драгоценными камнями.

Столь богаты по содержанію росписи, украсившія нѣкогда погребальныя часовни и постройки развалинъ близъ Бауита; изданіе акварелей и фотографій съ остатковъ этихъ росписей будетъ представлять большой интересъ для христіанской археологіи и вообще исторіи искусства. Немногіе снимки съ этихъ фресокъ, приложенные къ отчету Кледá, и выше приведенныя описанія росписей вполнѣ оправдываютъ ту живую характеристику открытій сдѣланныхъ у Бауита, которую Кледá далъ въ первомъ сообщеніи о нихъ Парижской Академіи (С. R. 1902, р. 95 — 96; séance du 7 мая): «Мои открытія, — писалъ онъ, — превзошли всѣ мои ожиданія. Масперо, видѣвшій мои акварели и фотографіи, былъ изумленъ: не акварелями, конечно, а тѣми новостями, которыя я открылъ. Коптское искусство, доселѣ столь презираемое, вышло теперь на свѣтъ и вышло въ блескѣ. Это — не то коптское искусство, какое было доселѣ извѣстно, а настоящее искусство».

Продолженіе столь удачно начатыхъ изслѣдованій, дополняя всесторонне матеріаль, собранный въ 1901 — 1902 году, дастъ, вѣроятно, воз-

возможность Кледá болѣе опредѣленно высказываться объ открытыхъ имъ развалинахъ, нежели онъ дѣлаетъ это въ отчетѣ о первомъ годѣ раскопокъ.

Выше изложены были соображенія его о сущности найденныхъ остатковъ зданій, которые теперь уже привели его къ заключенію, что у нынѣшней деревни Бауитъ находился нѣкогда большой некрополь и монастырь, вѣроятно, Св. Аполлона.

Древнее имя самой мѣстности Кледá полагаетъ возможнымъ вывести изъ двухъ надписей. Одна изъ нихъ «въ память аввы Іосифа, живущаго въ селеніи Аботъ (ΑΒΩΤ)» начертана въ часовнѣ съ изображеніями исторіи Давида (см. выше), а другая въ сосѣдней часовнѣ сдѣлана была «Памономъ, живущимъ въ сел. Эотъ (ΕΘΩΤ) въ память аввы Меркурія и Джары (Djogé) и братьевъ Фивамона и Петра». Во второй надписи Кледá склоненъ видѣть ошибочное написаніе имени того же самаго селенія, что и въ первой, т. е. ΑΒΩΤ = ΕΘΩΤ. Но древняго селенія такого имени доселѣ неизвѣстно; имя ΔΒΩΤ упоминается лишь, какъ имя горы въ толемаидскомъ намѣ (Zoega, Catalogus, p. 551); поэтому Кледá полагаетъ возможнымъ искать мѣстность ΔΒΩΤ въ ближайшихъ окрестностяхъ некрополя и предполагать въ этомъ словѣ древнюю форму теперешняго имени селенія Бауитъ: т. е. ΔΒΩΤ = Βαουίτ.

Время возникновенія построекъ, развалины которыхъ открыты были Кледá, точно не опредѣляется. Изъ 300 — 400 найденныхъ здѣсь надписей, датированныхъ по эрѣ Діоклитіана, оказалось только три и всѣ въ одной часовнѣ; годы эти 451, 453 и 455, т. е. 754, 756 и 758 гг. по Р. Х. Это заставляетъ отнести постройку часовни ко времени не позднѣе первой половины и даже къ началу VIII вѣка, такъ какъ росписи ея древнѣе, чѣмъ самыя надписи (graffiti). Съ другой стороны куски росписей, уцѣлѣвшіе въ различныхъ мѣстахъ часовни, указываютъ, что она была нѣкогда возобновлена, и что новая декорація замѣнила собою болѣе раннюю. Наконецъ, часовня эта заняла, по всей видимости, мѣсто другой, совершенно разрушенной, одна стѣна которой вышла въ новую постройку. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальная часовня должна быть относима по меньшей мѣрѣ къ VII или VI в.

Описывая найденные имъ остатки росписей, Кледá отъ опредѣленія времени ихъ воздерживается и даже дѣлать это съ одними тѣми данными, которыя имѣются доселѣ о коптскомъ искусствѣ, считаетъ почти невозможнымъ. Онъ ограничивается поэтому лишь очень осторожнымъ замѣчаніемъ, что надѣется не очень удалиться отъ истины, сказавъ, что всѣ открытые имъ памятники въ совокупности могутъ быть относимы къ періоду отъ V-го до XII вѣка.

Нѣсколько смѣлѣе онъ въ попыткѣ историческаго опредѣленія открытыхъ имъ развалинъ. Возникновеніе древнѣйшихъ изъ нихъ возможно, по его мнѣнію, относить ко временамъ св. Пахомія, т. е. къ первой поло-

винѣ V вѣка, или одного изъ ближайшихъ его преемниковъ св. Θεодора. Подтверженіе такой гипотезѣ онъ видитъ въ житіи Св. Пахомія, гдѣ разсказывается о посѣщеніи монастырей, основанныхъ Св. Пахоміемъ, патриархомъ Аѳанасіемъ (*Annales du Musée Guimet, vol. XVII, p. 694*). Обѣзжая свою паству патриархъ посѣтилъ «города Антиною и Ермополь, которые были близки къ монастырямъ киновитовъ»; никогда не выдавъ ихъ, онъ «отправился въ эти монастыри, обѣхавъ все ихъ, видѣлъ церкви, трапезныя, хлѣбопекарни, гостинницы, больницы, даже мѣста для тѣлесныхъ нуждъ; ему очень понравился ихъ уставъ и, испытавъ вѣру монаховъ, онъ нашелъ и ее правильною». То же житіе сообщаетъ, что третій преемникъ Пахомія Θεодоръ построилъ монастырь въ области Ермополя (*ibid. p. 676*). Такъ какъ въ текстахъ именъ никакихъ нѣтъ, то прилагать къ Бауиту извѣстій этихъ нельзя; но тѣмъ не менѣе Кледá считаетъ позволительнымъ предположеніе, что развалины Бауита были нѣкогда или однимъ изъ многочисленныхъ пахоміевскихъ монастырей, построенныхъ въ окрестностяхъ Ермополя, или некрополемъ, принадлежавшимъ одному изъ этихъ монастырей, или же, — что примираетъ обѣ возможности и является наиболѣе вѣроятнымъ, — здѣсь были нѣкогда и монастырь и некрополь.

В. Сонкинъ.

3. РАЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

† Евгений Мюнцъ.

Некрологъ этого извѣстнаго ученаго историка искусства въ эпоху Ренессанса и изслѣдователя мозаикъ V—VI в. составленъ Ю. Гельбигомъ и Enlart въ *Revue de l'art chrétien* 1903, I, 87—91. См. также его некрологъ, составленный Enlart'омъ и полный списокъ всехъ трудовъ покойнаго ученаго въ приложеніи къ некрологу въ *Mélanges d'archéol. et d'histoire*, 1903, I—III, 231—272.

Е. Р.

† Памяти Александра Викторовича Звенигородскаго.

Телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о смерти А. В. Звенигородскаго, послѣдовавшей послѣ продолжительной болѣзни въ г. Аахенѣ.

Для всехъ занимающихся исторіей византійскаго искусства, византійской археологіею — имя А. В. Звенигородскаго отлично извѣстно и памятно, такъ какъ оно тѣсно связано съ нѣкоторыми крупными научными изданіями, которыми онъ внесъ въ сокровищницу науки цѣнный вкладъ. Покойный А. В. Звенигородскій былъ однимъ изъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей искусства, въ наше время весьма рѣдкихъ, которые не жалѣютъ ни своихъ силъ, ни своихъ средствъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь